

ПАМЯТЬ, унесенная в Индию

Н.Р. Гусева
Фрагмент книги
"Русский север - прародина
индославов"

Многие воспоминания об арктических реалиях, как явные, так и завуалированные, встречаются не только в Ведах и памятниках ведической литературы, но и в «Махабхарате» и былинах-пуранах. Обратимся к эпосу за некоторыми примерами и вспомним, что часть его строк и строф признается более древними, чем тексты Вед, поясняемые исследователями и комментаторами. Так, гора Меру, сияющая всеми склонами, как алмаз, и считающаяся местом пребывания богов, принимается многими за указание на Северный полюс. Природные явления тех областей описываются как проявление силы богов или тех или иных черт их внешности и убранства или оружия.

В 1-й книге поэмы (81, гл. 337) говорится о великом отшельнике-муни: «Искушенный (в йоге) он быстро тогда воспарил и опустился на вершину Меру... Взглянув на северо-запад, узрел он чудесный преславный образ. На севере Молочного моря есть большой остров, известный под именем Белый остров (Шветадвипа), он расположен к северу от Меру».

Поясним читателю, что Шветадвипа — это не только «Белый остров», но и «Белая земля», так как в санскрите слово «двипа» означает и «остров» и «часть суши» (область), а под Молочным морем единогласно понимают Ледовитый океан. В этой поэме встречаются описания, которые столь же безошибочно узнаются как описания полярных сияний.

Уже в книге I в гл. 17 мы видим описание невероятного небесного блеска, отражающего в себе картину боя между богами и асурами, боя, возникшего из-за стремления завладеть напитком бессмертия, амритой: «Большие острые дротики, пики с хорошо отточенными концами, посыпались тысячами... Асуры тогда, обильно истекая кровью, падали на землю... падали головы, украшенные сетками из горящего золота. Словно ярко-красные вершины гор, лежали убитые асуры с телами, обогранными кровью... явился с небес сверкающий ярким блеском диск... испуская блеск пылающего огня... Асуры (поражали) богов тысячами скал, напоминая собою тучи, разливающиеся дождем... деревьями с вершинами, у которых оторвались зубцы... с шумом сталкивались друг с другом. Нара покрыл небесный свод громадными стрелами с остриями из лучшего золота... и асуры ушли в землю, в океан соленых вод». Опять же в книге I (гл. 26) содержится описание неких сияющих неземным светом богов, изготовившихся к битве с демонами за овладение амритой, напитком бессмертия: «Решительные, они облачились в различные дорогие панцири, сделанные из золота и украшенные камнем вайдурья. Они держали множество разнообразных мечей устрашающей формы с остро отточенными клинками. И все это у них испускало искры огня и дым. Они также были вооружены дисками и железными копьями, трезубцами и секирами, различными дротиками и острыми сверкающими мечами, а также булавами, ужасными на вид... И украшенные дивными украшениями, блистая сверкающим оружием, те

сонмы бегов стояли там, свободные от грехов, одаренные неизмеримой силой... явили себя в облике, пылающем точно огонь. И то превосходное поле брани, где расположились боги, благодаря сотням тысяч железных копий, освещенное лучами солнца, казалось расплавившимся в небесном своде».

В этом эпосе есть и другие указания на северные сияния, имеющие тоже условный, переносный смысл. Например, говорится о битве земных воинов, которая связана с применением волшебного оружия «нараяна», которому сопутствует страшный гул: в литературе имеются указания на гул, возникающий при появлении северного сияния. И не только у русских авторов можно встретить описания этих явлений, но вот, к примеру, в книге У. Уоррена (129) помещено наблюдение норвежского исследователя Фритьофа Нансена: «Формы и типы северного сияния, виденного каждую ночь, были подобны то великолепной короне, то пульсирующим небольшим сияющим облакам... Иногда оно принимало вид арки, но обычно выглядело как колышущиеся занавесы и сверкающие потоки, все время изменяющие свое положение и силу свечения».

Все такие описания неизменно указывают на то, что арьи должны были видеть и знать северные сияния. Во многих описаниях это сияние сравнивают со змеем (или змее-драконом), что наводит на мысль о змеевидности демона Вритры (Валы), похитившего солнце и ликующего в небесах ночи.

Северные сияния нашли свое яркое отражение и в сла-вянском фольклоре, а равно и в литературе. Мельников-Печерский почти документально описывал восприятие красоты сияний русскими северянами, называя эти вспышки «пазорями»: «...на северной стороне неба начинает разливаться белый бледный свет, подобный Млечному пути... сначала принимает розовый цвет, затем постепенно багровеет... превращаясь в яркие красные и других цветов радуги «столбы». Эти столбы краснеют все более и более, «столбы играют»... сильно играющие столбы сопровождаются перекатным треском и как бы громом...» Заметим, что последние слова точно соответствуют описанию в «Махабхарате». «Сполохи — северное сияние, столбы. Сполохи дышат, дрожат, мерцают, то ярко, то бледно. Сполохи играют разноцветными пестрыми огнями» (так пишет В. Даль в своем Словаре, т. IV).

Чем все эти описания отличаются от текстов «Махабхараты»? Разве только тем, что жители северных областей могут видеть все это и сейчас, а в индийском эпосе хранятся лишь описания давно виденных природных явлений, мифологизированные воспоминания. И не является случайностью то, что описанные в эпосе небесные битвы происходят не где-то вообще на земле, а именно над Молочным океаном, то есть в Арктике.

По памятникам древнеиндийской литературы рассеяно много упоминаний о полярных явлениях, но комментаторы объясняют их или как фантастические выдумки или как развитие непонятных сюжетов ведических гимнов. Но ведь не только в Ведах встречается, как отмечают все исследователи, много загадочных описаний, касающихся солнца, его восходов и заходов, его ухода на долгий срок во тьму и его воздействия на жизнь и самочувствие людей. Такие описания долго оставались неразъясненными, перешли в более поздние памятники ведической литературы и в различные трактаты, связанные с развитием институтов права, медицины, ритуальной жизни и т.п. Выше уже упоминалось, что в «Законах Ману» (50) в первом разделе приводятся такие слова: «Солнце отделяет день и ночь — человеческие и божественные... У богов день и

ночь — (человеческий) год, опять разделенный надвое, день — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу». В Ригведе воспевается и некий бог года, одна сторона головы которого образована днями света, а другая — днями мрака. В "Махабхарате" тоже есть много астрономически расшифровываемых указаний. Там говорится, что три сотни и шестьдесят коров рожают всего одного теленка в год, а это явно свидетельствует об умении древних делить год на 360 дней. Следует упомянуть и о том, что в Индии доныне сохраняется культовое отношение к Полярной звезде, именуемой Дхрува. Так, в книге «Индуизм», написанной двумя индийскими авторами, повествуется о том, что в среде ряда высоких каст Западной Индии сохраняется традиция, предписывающая новобрачным совершать после свадьбы обряд поклонения Дхруве, без благословения которой их брак как бы не обретает полноты.

Нельзя не обратить внимания и на то, что всемирно прославленный памятник индийской архитектуры, мавзолей Тадж-Махал, построен с таким расчетом, чтобы шпиль на его куполе точно «упирался» в далекую Полярную звезду. В древнейших текстах упоминается неподвижно стоящая над горой Меру звезда, вокруг которой кругами ходят все небесные светила — такое представление о картине неба могло сложиться лишь у жителей арктических областей. Как известно, земная ось в силу прецессии меняла соотношение Северного полюса с зенитом, и десять тысяч лет назад она указывала на Бегу (альфу созвездия Лиры), а в III тысячелетии Дхрувой стала альфа созвездия Дракона, и лишь позднее в этой роли появилась известная Полярная звезда из созвездия Малой Медведицы. Если бы знать, о какой говорится в Ведах, можно было бы уточнить время жизни арьев в Арктике.

Не может не привлечь внимания и тот факт, что во время пахтанья Молочного океана, так красочно описанного в эпосе, в числе 14 появившихся из океана веществ и существ (преимущественно — белых) оказалась и волшебная корова, исполняющая все желания, и она была отдана в дар семи пророкам, представляющим собою семь звезд Большой Медведицы, приполярного созвездия (119, с. 155).

Более того — названия этих звезд являются именами семи мудрецов, высоко почитаемых в индуизме полубогов, что отражено и в эпосе, и в Ведах. Так, звезда-пророк предстает в мифах как отец Адитьев, — солнечных (световых) месяцев, число которых нарастает по мере отдаления от полюса. Его имя Кашьяпа включается и в число авторов гимнов Ригведы.

Следует вспомнить и о том, что в «Махабхарате» (85, 468, 692) рассказывается о мифологизированном споре двух групп жен пророков-риши: одна группа — жены тех пророков, чьи имена носят звезды Большой Медведицы, — обладала правом вознесения на небосклон, тогда как другая — жены тех, кто ассоциируется с созвездием Плеяд, — требовала и для себя такого же права. Вспомним здесь, что первое созвездие соотносится с 30 — 75° северной широты, а второе отмечается между 0 и 25°. Первое видно из Индии на далеком северном горизонте, и Веда требуют ритуально-почтительного отношения к нему, а Плеяды стоят над Индией, где их звезды издревле, то есть с доарийской древности, почитались как шесть матерей древнего бога войны Сканды (или Карттикейи), сына величайшего из доарийских богов, Шивы, которому в Ведах не посвящено ни одного гимна.

Описываемые споры двух групп жен, каждая из которых вошла в пантеон индуизма на уровне обожествления, являются одним из ярких и

выразительных примеров реальных конфликтов в сфере идеологии арьев и доарийских народов, тех конфликтов, многие из которых завершились примирением в лоне складывавшегося индуизма.

Б. Тилак в своей новаторской книге об арктической родине разъяснил суть многих из таких черт религии, формирующейся уже в Индии после прихода туда арьев. Его книга — это действительно ключ к пониманию ряда условий, при которых складывались разные и яркие представления о мироздании. В ней пояснены гимны, воспевающие долго длящиеся зори и казавшиеся загадочными периоды «мерцающего полумрака», предшествующего в Приполярье появлению зари, а также и следующего за свершившимся заходом солнца. Такие периоды именуются «рассветом и закатом дня богов», так как солнце там появляется и скрывается два раза в год.

Индийские исследователи Вед и астрономы во многом приняли анализ Тилака и стали развивать его открытия и мысли, в отличие от западных ученых, упорно стоящих на позициях своих заблуждений. Так, профессор М. Раджа Рао указал, что в текстах, сопровождавших принесение царем-индусом белого коня в жертву богам, говорится о светлом времени года в 260 дней, т.е. арктического года, где на 100 суток воцаряется мрак. Это не может относиться к полюсу, так как «вечный» день там длится 186 суток, а значит традиция, которой придерживались цари-кшатрии уже в Индии, напоминала о жертвоприношениях в Арктике. Многие из подобных традиций сохраняются в ритуальной жизни индусов до нашего времени, и следует о них писать — призывал этот ученый.

Другой индийский специалист, Р.К. Прабху, продолжил эту мысль, обратив внимание на несколько чисел, которые считаются в индусской традиции почти обожествленными, и попытался выявить истоки такого их восприятия. Эти числа — 16, 24, 40, 64 и 86. Никаких поводов к указанному к ним отношению не выявляется в индийской природе или условиях социальной жизни, а поэтому следует взглянуть в глубину времен и поискать в жизни арьев в Приполярье. Там они могли связывать их с подсчетами астрономических периодов: 16 можно соотнести с числом суток восхода и захода солнца весной и осенью, 24 — с числом суток сумерек весной и осенью, их сумма равна 40 (а дважды — 80), а в течение 64 суток длилась ночь. Такие числа могли быть отмечены, по мнению Прабху, на 86° 36' северной широты, где арьи, вероятно, жили за 20 тысяч лет до н.э., и их родина была ими покинута 11 тысяч лет тому назад. Эти указания соотносятся с «пиком» последнего периода оледенения, что и интересно, и с его завершением. Божества, которым молились и приносили жертвы далекие предки индоевропейцев, зародились в глубине весьма отдаленной первобытности. За долгие века развития и разделения культов этих божеств их имена и то значение, которое им придавали люди применительно к своей жизни, во многом претерпели изменения, но все же при попытках обнаружения сходства между богами славян и арьев можно увидеть сближающие их черты. Такие черты говорят, опять же, о том, что не из Индии дошли до нас сведения об этих богах, а из тех эпох, в которых обе эти группы формирующихся племен были настолько близки, что во многом могли обмениваться опытом и своим восприятием мироздания. То отношение к богам, которое складывалось в этой взаимно близкой среде, равно как и в среде арьев, и было принесено ими в Индию вместе с гимнами Вед. Оно претерпело в известной мере изменения в Индии под влиянием новых воздействий в процессе встреч и смешений с доарийскими народами и усвоения их верований, но,

поскольку Веды не отмирали, а заучивались все новыми и новыми поколениями брахманов, ведические боги дожили до нашего времени, войдя в индуизм, пусть даже и в несколько измененном виде. Эта их судьба отличается от судьбы славянских языческих богов, погубленных наступающим учением христианства.

Здесь следует упомянуть о том, что каждый, кто интересуется проблемой происхождения своих далеких-далеких предков, а значит и своей собственной историей (таких людей в нашем отечестве очень много), должен быть благодарен тем бесчисленным поколениям индийских брахманов, которые скрупулезно заучивали тексты Вед и донесли их до современности, преодолев рубежи многих тысячелетий. До наших дней дошло и звучание ведических гимнов, их ритмика, а также их смысл и сюжеты, которые часто выглядят загадочными, но шаг за шагом их постепенно расшифровывают ученые разных стран, и главное — Индии.

Ездокое животное бога Вишну, птица Гаруда несет на себе оных братьев — чернго Кришну и белого Базарачу

Попытки выявления черт, сближающих древних славянских богов с богами Вед и индуизма, не являются бесплодными (русские ученые не раз становились на путь этих поисков и небезуспешно): можем, например, упомянуть труды Вс. Миллера, Б.А. Рыбакова, Л.А. Зарубина и др. Мы приведем здесь ряд напрашивающихся сопоставлений, могущих вызвать интерес современного читателя.

Приступая к этой проблеме, сразу задаешь себе вопрос: с кого и с чего начинать? Большой трудностью является определение времени возникновения того или иного культа или хотя бы зарождения представлений о божествах.

Все возможные сопоставления крайне проблематичны в силу чрезвычайно слабой

изученности этой проблемы. Но все же есть напрашивающиеся моменты сравнений, и о них следует думать. Начать эти попытки сопоставлений следует с наиболее древнего славянского бога Рода, в котором люди усматривать некое высшее надземное покровительство самому важному в их существовании фактору — размножению человека. Неслучайным признается это слово «род» в таких древних производных, как «родство и народ». И то, и другое слово, как и близкие им другие производные, связаны с пониманием роли крови как энергии жизни, как самой жизни — ведь постоянно наблюдаемая ими смерть убиваемых на охоте животных, как и людей, убиваемых в боевых столкновениях, происходила именно вследствие потери крови. О структуре внутренних органов и об их связи с жизнью и смертью они поначалу понятия еще не имели. Не случайно люди до сих пор отличают родственников по крови (кровных) от тех, кто становится родственниками по свойству, то есть по брачным связям. Слово «род» лежит в корне таких слов, как «рож(д)ать, рождение, рождество» и др. А поскольку в глубинах древности отцовство было сначала неизвестно и видели только рожаящих женщин-матерей, то с акцией родов были связаны в представлениях людей и такие покровительствующие им существа, как рожаницы. Истечение крови рожаящей женщины — подчеркивало кровную связь с ней ребенка, т.е. кровное родство, и не могло возникнуть сомнений относительно причисления новорожденного к данной семейно-родовой группе, а позднее — к племени.

По многим данным исследователей, осознание мужчины как

осеменителя развивалось в сознании людей постепенно — до сих пор еще у некоторых племен малоисследованных островов Океании мужчин с этой акцией не связывают; считалось, что беременность может наступить от камня, ветра и других явлений. На той ступени исторического развития, когда факт осеменения самки связали с самцом, возникло дальнейшее понимание того, что и этот акт нуждается в высшем внеземном покровительстве. Вот тогда сложилось представление о некоем божестве-осеменителе, дарующем рождение людям, животным и даже растениям. Вот на этом этапе, затерянном в необозримой глубине тысячелетий, возник образ бога по имени Род, и под этим именем он стал играть важнейшую роль в нарождающейся религии славянского язычества.

Б.А. Рыбаков в книге «Язычество древних славян», называя Рода центральным персонажем славянской мифологии, пишет, что он был старшим над рожаницами, в представления о которых включалась и идея плодородия почвы и урожая (род-рож), что их культ был многозначным. Это были прародительницы, чей культ уходит в глубину времен. Славяне славили Рода и рожаниц, ставили им подношения и «пели песни бесовские», по сообщениям уже и христианских летописцев (а это значит, что их культ длился бесконечно долго). Их праздник был приурочен церковниками к дню, следующему за празднованием Рождества Богородицы, т.е. к 9 сентября, что подтверждает приурочение их культа к почитанию плодородия земли. Их почитали хлебом, медом и пивом (варить которое, надо сказать, славяне, как и арии, были издревле большие мастера — ведический *сома*, по нашим материалам, был пивом (Санскритское слово «*soma*» — мужского рода, в отличие от распространившийся в литературе ошибочной формы женского рода). Б. Рыбаков приводит цитату из книги Н.М. Гальковского «Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси» (22, с. 160—166), указывавшего, что ранние христиане свидетельствовали, как «язычники» трапезы ставят... се первый идол — рожанице...» Б. Рыбаков сообщает, что культ Рода был вплоть до XIII века на Руси очень живым, он считался пребывающим уже не на земле, среди людей, а на небе, был божеством природы и плодородия, олицетворяя собой размножение всего живого.

Поскольку Род был древнейшим божеством славян, можно предположить, что ему должен был быть близок и некий арийский бог Вед. И таким богом был Рудра, имя которого прямо перекликается с именем Рода: основой обоих имен служит корень «рд», лежащий в глубине представлений о красном цвете, цвете крови. Славянские слова «руда, рудый, рдяный» находят свое соответствие в санскритском «рудхира» («рыжий, красно-бурый»), и именно в таких красках и описывается Рудра, воспеваемый и как осеменитель всего живого и породитель жизни, покровительствующий размножению. Арии унесли его в Индию, где его имя стало вторым именем бога-оплодотворителя, Шивы. Эта близость Рода и Рудры подтверждается еще и тем, что в Индии Рудра стал как бы слившимся с Шивой его двойником. Именно к Шиве относится вера в то, что он порождает жизнь на земле, орошая ее каплями своего семени — это же верование связано и с Родом, «...орошающим землю небесными каплями, вследствие чего рождаются дети» (ПО, с. 450). Роду славяне приписывали дар порождения и небесного огня — молнии («родии») и земной воды вообще — родников, что тоже напрямую соотносилось с арийским Рудрой и его новым обликом, Шивой, владыкой вселенского огня и наравителем небесной воды по земным потокам.

Б. Рыбаков пишет, что западный хронист Гельмольд (XII в.) сообщал, что славяне признают «единого бога в небе. Утверждая, что для восточных славян таким «единым Богом в небесах» был Род, он считает его и носителем имени Света, а для западных славян таким богом «белого света» был Световит, имевший четыре лица. Основываясь именно на этой четырехликости, мы хотели бы высказать иное предположение, найдя в некоторых чертах Световита (Световида) сходство и с иным богом.

Бог Брахма (храмовый рисунок)

Обратимся к созидателю мира в Ведах, к Брахме. Есть ли возможность сравнить его хотя бы в нескольких чертах с кем-то из древних славянских богов? Попробуем выявить такие черты именно в облике бога Световида (Световита, Святовита). Ориентируясь на самые общие, или, точнее, обобщенные сведения, обратимся сначала к Брахме, пытаясь усмотреть в нем хотя бы некоторую близость со Световидом. Что мы знаем о Брахме? Он был первобогом,

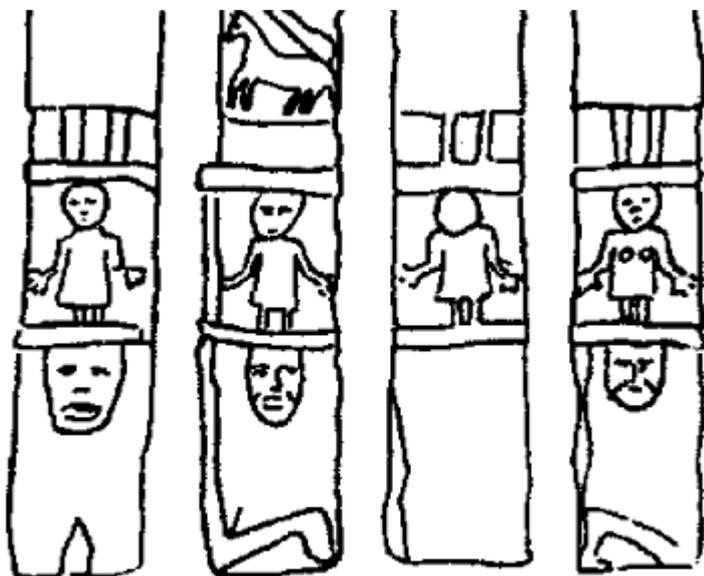
отделил небо от земли, создал свет, породил богов и людей и одарил людей осознанием их жизненных функций, установив связь с ними тех или иных богов. В ведических описаниях и, соответственно, в индусской иконографии он предстает перед нами в виде четырехголового человека, сидящего на белом гусе (на белом лебеде). Из всех этих атрибутов остановимся на его связи со светом, на четырех головах и на белом гусе.

Слово «свет» является аналогом санскритского слова «швет(а)» (светлый, белый), так взглянем на имя Световида. Оно дошло до нас в сказаниях и пересказах язычников и в описаниях западных хронистов, и сейчас даже точно не известна его вторая часть — «вид» или «вит» (а то и «вич»?). Они по сути дела одинаковы по смыслу и форме, и если мы остановимся на варианте «вид», то этот бог предстанет перед нами как «светловидный» с понятием (видом) света. Уже в этом он согласуется с образом Брахмы, хотя их имена и не сопоставимы напрямую.

Далее: четыре головы Брахмы поясняются толкователями как символ прозрения четырех сторон света (по некоторым мифам, у него раньше было пять голов, но одной он лишился). О Световиде мы знаем, что он изображался с четырьмя лицами (или головами), обращенными на все стороны света. Иногда это объясняют как простираение его власти на весь год, на все четыре сезона. Этот бог тоже воспринимался как верховный первобог, и славяне почитали его превыше всех других богов.

Полагают, что образ Световида отражен в известном Збручском идоле, четыре лица (или головы?) которого повернуты в четыре стороны. Он датируется исследователями IX веком

Четыре стороны Збручского идола
(4 лица, 8 рук)

н.э. И объясняли его суть весьма по-разному — наиболее интересные предположения о его связи с Родом высказал Б. Рыбаков (ПО, с. 446 — 464). Но — был ли он изображением Рода? (Следует указать и на такое сходство слов: на санскрите «родас» обозначает землю, а также небо и землю, а частица «родо» в композитах означает пространство между небом и землей. Все эти значения совпадают с той ролью, которую приписывали славяне Роду). На это пока нельзя дать окончательный

подтверждающий ответ, и, видно, еще не раз исследователи будут размышлять об этом в своих изысканиях.

И о третьей черте образа Брахмы: он сидит на белом гусе. Но ведь гусь — это не индийская птица, он гнездится и размножается на дальних северных землях, и вот именно это говорит о факте непосредственной исконной связи с севером этого древнейшего арийского первобога.

Известен и другой вариант изображения Брахмы: он едет на колеснице, в которую впряжены сем (или три) лебедей или гусей. Вот этот вариант разрешает нам прямо сопоставить его с археологическими находками в областях расселения славян на рубеже II и I тысячелетий до н.э. и вплоть до середины I тысячелетия до н.э. Это области славянских тщинецкой и лужицкой культур, доходивших от Днепра до Одера и Вислы. Здесь обнаружено немало предметов того времени, и среди них встречаются модели колесниц, запряженных гусями или лебедями. Их называют солнечными колесницами, указывая на то, что они трехколесны (но не все), а это объясняется как трехчленный путь солнца по небу, восход-зени-закат. Эти птицы с такой неизменностью указывают на связь изображаемого божества на колесницах с севером, что для нашего сопоставления это очень важно.

Более того, хочется привлечь внимание к не объясненному никем до сей поры странному зонту над головой одного из богов на трехколесной колеснице, которую влекут три гуся. Эта находка относится к землям западных славян (ведь уже указывалось выше, что значительные их группы при расселении с северных земель обогнули с юга немалую часть Балтийского моря наряду с предками балтов).

а) колесница Аполлона (Сербия, VIII в. до н. э.); б) изображение колесницы. Западные славяне Этот загадочный зонт может послужить источником догадки о том, что развившие уже в III тысячелетии до н.э.

коневодство арьи, умевшие строить широко ими используемые колесницы, могли уже в этой древности «завести моду» на водружение зонтов над головами знатных ездоков-воинов, что нашло свое широчайшее развитие в Индии и отражено не только в памятниках литературы, но и в изобразительном искусстве: зонты над головами знатных людей и, главное, богов не только изображаются в иконографии, но и возводятся и сегодня символически над, например, выступающими «высокими» людьми, обращающимися к массовым собраниям Зонт — это знак силы и власти, а поэтому, возможно, не случайно он оказался на найденной археологами колеснице, на которой едет некий бог, явно соотносимый с далекими северными землями. (Считаем необходимым привести здесь прорисовки из книги Б.А. Рыбакова.)

Брахма является столь давним богом, что в индусских ритуалах он уже не играет заметной роли, и даже его храмов в Индии, этой «стране храмов», практически нет. Его, по сути дела, вытеснили из круга арийских богов другие божества, более близкие к жизни и делам людей.

Световид жил в славянской среде дольше, хотя тоже является, по всей видимости, древнейшим божеством. Эту длительность его жизни определило, вероятно, то обстоятельство, что славяне, в отличие от арьев, не проходили таких этапов широких миграций или же смешений с инорасовыми народами. И лишь христианские церковники истребили посвященные ему храмы и его изображения — сведения об этих храмах (главный из которых был на острове Рюген у южного берега Балтийского моря) и об его облике дошли до нас в описаниях.

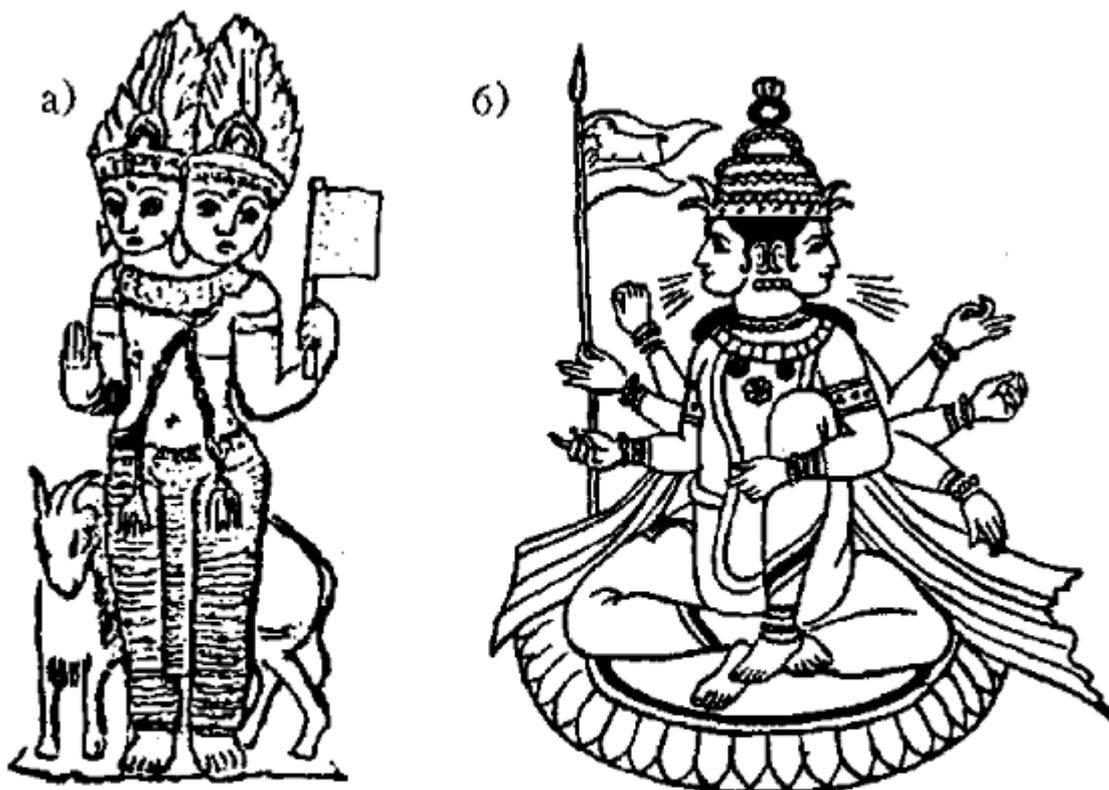
Трудно сказать, следует ли исключать возможность поиска в санскрите аналогий или разъяснений имен таких богов западных славян, как Поревит и Поренуч. Их идолы тоже стояли на острове Рюген. Они оба изображались с пятью головами (у Поренуча пятое лицо было на груди), что наводит на мысль о связи с древнейшими представлениями о Брахме. Имя Поревита, объясняемое хронистами по-разному, может быть, возможно, соотнесено со словом Ригведы «паривид», означающим всезнание, высшее понимание, прозрение, озарение, но об этом можно думать только предположительно. Центральный храм на Рюгене, именованный Арконой, может быть более уверенно, чем имена указанных двух богов, сближен со словом Ригведы «арка», то есть «солнце» («луч, блеск»). Солнце было основным объектом обожествления и у славян.

Теперь остановимся на качествах арийского бога Индры, попробовав найти аналог ему в славянском язычестве. Главное его назначение, ради проявления которого к нему обращались арьи, — это помощь людям в войне и дарование победы над земными и неземными врагами. Главное, в чем он может быть уподоблен персонажу язычества, — это победа над подземными силами тьмы и холода, которые удерживали в плену реки. Тут поневоле вспомнишь об Индрокке (или Индре), издревле известном славянам как освободитель рек и источников. В. Даль сообщал, что Индрик — это «сказочный зверь, поминаемый в стихах и песнях в народе». В таком памятнике, как «Голубиная книга», говорится, что Индрик зверь, всем зверям отец и что он под землей прочищает все ключи неточные. В этой книге

его называют Идриком, Индроком, Индрой и Вындриком, но это не меняет той сути дела, что он, как и арийский Индра, освобождает воды из плена. Некоторые черты воинственного Индры определяются и в других славянских богах-покровителях воинов и дарителей побед, описываемых с внешними чертами арийского Индры. Неопровержимо выявляется близость славянского и арийского почитания огня, восприятия его влияния на самые разные стороны жизни людей, отношения к нему, как к неодолимой силе, благостной и устрашающей. Надо сказать, что в язычестве всех индоевропейцев сохранялось поклонение огню, непременно участнику жертвоприношений богам и костру, сжигающему тела мертвых, вознося их души к небесам. Это почитание перешло из язычества и в христианские культы, предписывающие возжигание свечей и лампад при богослужебных ритуалах, проведении молений и многих домашних церемониях. Но вот названия огня остались одинаковыми именно в славянских и арийских языках: не надо разъяснять, что слова «огнь» и «агни» одинаковы. Эта одинаковость восходит к отдаленным эпохам соседской или даже, возможно, родственной близости предков славян и арьев на арктических землях. Надо указать, что близки к арьям почти как славяне были частично и литовцы и латыши — ведь в науке существует ряд доказательств и о балто-славянском сходстве: так, слово «огонь» в литовском языке будет «угнис», а в литовском «игнис», и это близкие варианты как к славянскому «огнь», так и к арийскому «агни». Но мы прослеживаем здесь заявленную близость славян и арьев, поэтому остановимся на этих данных. В Ведах бог огня носит сохраняющееся и в современной Индии имя Агни. С него начинаются гимны Ригведы. Все боги Вед делятся на три группы по 11 божеств, и Агни относится к группе земных богов. Начиная от глубочайшей древности этому богу всегда приписывались одни и те же чудодейственные свойства, и его ставили в один ряд с самыми могущественными богами. Агни проявляет себя на небе в свете и тепле солнца, в воздухе в виде молнии и на земле в качестве огня очага, пожара и погребального костра. К нему взывали и взывают, прося отвратить врагов и всяческое зло как от людей, так и от скота. Все жертвенные ритуалы, начиная с ведических времен, проводятся перед огнем; в древности его «кормили» жертвенным скотом, теперь «кормят» в Индии зернами, маслом и т.п. Считается, что огонь домашнего алтаря придает силу рожающей женщине, очищает пищу, мысли и чувства, является главной силой, соединяющей навеки жениха и невесту, — обязательно они должны обойти вокруг огня, как в христианстве обходят алтарь церкви, когда жених ведет невесту. Бога Агни молят о даровании потомства, он охраняет семейные узы, он помогает при задуманном деле

и оберегает от греха, вознося молитвы людей к небесным богам.

а) бог Агни. (Деревянная фигура. Юж. Индия); б) редкое изображение Агни: семь его рук — семь языков огня; три ноги — три сферы проявления его энергии; два лица — всеохватность огня

Сильнейшие пережитки культа огня сохранились у всех славян. В язычестве, как и в Индии, был широко известен обряд добывания «живого огня» путем трения дерева о дерево. Б.А. Рыбаков описывает в указываемой здесь книге обряд добывания такого огня, приводя данные из «Слова об идолах» (XII в. н.э.). При вздувании огня славяне читали молитвы; меняя жилище, они переносили в новое огонь домашнего очага; почитали огонь как бога, и прибегая к его помощи, и боясь его палящей силы. Его призывали в заговорах и заклятьях, именуя «Батюшко ты, Царь-Огонь» и прося защиты от болезней, несчастий и неудач. Для сохранения плодовых деревьев и тех, каким издревле поклонялись (береза, ель), на них возжигали свечи. «Живой огонь» добывали тоже трением дерева о дерево и зажигали от него новые очаги, а также прогоняли скот между двумя такими кострами для охранения его от болезней и бед. В Югославии этот обряд называется «прогоница», и он в точности соотносим с аналогичным обрядом в Индии. Неоднократно высказывалось предположение, что форма свастики связана с процессом добывания «живого огня»: на землю клали два перекрещивающиеся бруска дерева, имевшие загнутые в одну сторону концы, укрепляя эту конструкцию колышками, вбитыми в углы этих концов. В центре делали отверстие, куда вставляли вращающийся кол и крутили его до появления искры, которая поджигала подсыпанный трут (на санскрите слово «трут» является глаголом, означающим «тереть, растирать, дробить»). Мы не знаем, так ли добывали огонь и в доарийской Индии, но в раскопках мест древнейшей цивилизации Хараппы были тоже обнаружены печати с изображением свастики. Возможно, этот прием был известен очень широко — ведь свастику как символ солнца и огня почитали многие

народы (на чем остановимся ниже).

Славяне зажигали и купальские костры и прыгали через них ради очищения и обретения силы. Скажем кстати, что многие неправильно связывают корень «куп» с купанием, указывая, что в купальскую ночь принято окунаться в воду источников и рек. В. Даль указывает, что «купа» значит «костер», а «купальница» — «костер в поле». В белорусском языке «купали» — это сноп соломы, привязываемый наверху купальского костра, и все это связано лишь с представлениями об огне, а не о воде. Как и в Индии, славяне празднуют дни солнцеворотов и солнцестояний, отмечая их особыми обрядами возжигания огня, то есть огонь земной сохраняет связь с огнем солнца. Говоря о празднике Ивана Купалы, вспомним, что в санскрите корень «куп» означает «светить, сиять, быть жарким, возбужденным», то есть опять же, прямо указывает на солнце, а не на воду.

Солнце было — и не могло не быть — объектом высшего почитания в природных условиях арктических земель, к которым возводится древнейший период формирования пра-этносов арьев, славян и других индоевропейцев. Прежде всего вспомним название солнца: на санскрите «сурья», и этот корень «сур» с некоторыми фонетическими изменениями встречается в славянском «солнце», французском «сол-ей(ль)», итальянском «сол-о» и с еще более заметными изменениями в немецком «зонне» и английском «сан».

В фольклоре всех этих народов известны бесчисленные песни и заговоры, связанные с зарей, как со спасительницей людей от множества бед и тягот, как с одолительницей ночи, связываемой в свою очередь со страхами, с боязнью появления нечистых сил, с тяготами, налагаемыми мраком на души людей. Эти тяжкие чувства, знакомые почти каждому, восходят к той эпохе, когда солнце исчезало с неба на несколько месяцев и люди молились богам, чтобы они дали сил «пережить долгий мрак», что не может относиться к кратковременной ночи средних широт.

Да, конечно, арьи унесли в Индию с севера любовь к солнцу и посвященные ему гимны Вед, но там они встретились с иным отношением к солнцу, как к проявляющему себя враждебно в течение восьми месяцев своего пребывания на безоблачном небе, когда часто сторают посевы и пересыхают источники вод. В среде доарийского населения Индии был распространен культ луны, а не солнца, и он вошел в индуизм в расширенной форме — даже в современных календарях каждый день лунного календаря отмечается под своим традиционным названием и указываются даты четвертей луны, ее рождения и полнолуния, как и темные безлунные дни перемены месяца. Но то отношение к солнцу, которое запомнили и принесли с собою арьи, все же нашло свое отражение в новых формах религии индуизма.

Славяне же, как и другие индоевропейцы, сохранили более четкие представления о солнечных культах. В Ипатьевской летописи есть такое определение солнца: «Солнце-царь сын Сварогов еже есть Дажь-бог». Если мы вслушаемся в звучание этих имен, мы увидим возможность соотнести их с санскритскими словами «дах (dah)» и «сварга». Первое означает «гореть, сиять», а второе — «небо». Значит, едиными были в глубине веков названия неба и небесного огня у арьев и славян. Наименование солнца Дажь-богом, то есть от слова «дай», часто встречается у исследователей, но оно не отвечает главной сути солнца — к каждому богу можно было обра-титься с просьбой «дай», да и сейчас верующие так к Богу и обращаются, но это не сводится только к солнцу. И летописные слова следует правильнее переводить так: «Солнце-царь, сын неба, тот, что есть Горящий (сияющий) бог». В качестве сына неба этот

бог именуется и Сварожичем, что является уже чисто славянским отчеством. Сварожичем именуют также огонь, воспринимая его как манифестацию солнца на земле, что точно отражено и в индусских представлениях об огне и солнце. В эллинской Греции солнце представало в образе Аполлона, который тоже соотносился с Гипербореей, то есть с Арктикой, но в этой мифологии нет таких четких определений, касающихся связи с арьями, как в славянской. Автор «Слова о полку Игореве» называет всех русских дажьбожьими внуками, то есть воспринимает Солнце как их деда-прадеда, предка.

В славянской мифологии есть и имя Хоре, относящееся к богу солнца. В науке принято сопоставлять его со словами «коло, хоро, корш, корж» — с теми, которыми определяется нечто круглое или круговое (как «хоровод»).

Отсюда и такие слова, как «колесо», а также и «коловрат». Солнечный шар (круг) на санскрите — «гола». Возможно, этим следует и ограничиться, но нельзя не отметить, что имя светлого божества, солнечного Вишну, например, определяется словом «хари», то есть «светлый, желтый». Поскольку этот цвет соотносится с солнцем, не позволено ли будет предположить, что лингвисты рано или поздно придут к выводу о возможности сопоставления этих двух терминов.

Изображения солнца в народном искусстве всегда имели круглую форму, то с сопутствующими лучами, то без них. В быту славян было принято испекать коржи в честь солнца, блины (всегда круглые) и особые печенья, на которых у нас на севере изображались наклепным тестом свастики. Этот знак солнца повсеместно, у всех индоевропейцев, наносился на разные изделия, подобно косому или прямому кресту, что тоже было знаком солнца. В Индии свастика занимает ведущее место в изобразительных мотивах народного творчества, и особенно на тех предметах, которые связаны со свадебными ритуалами и с пожеланиями процветания.

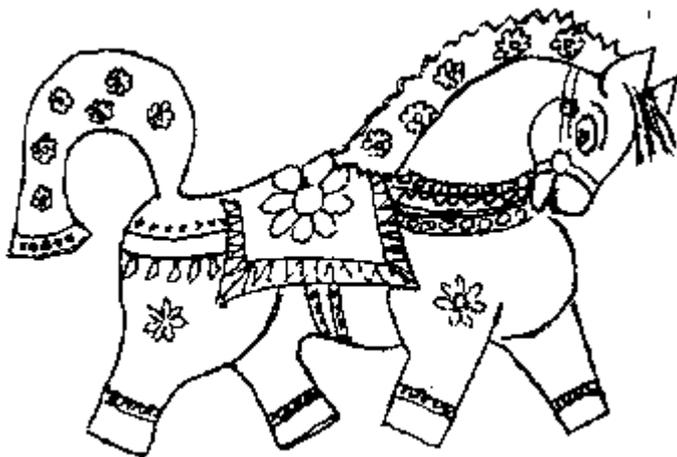
Но тут же следует указать, что культ солнца в индуизме носит как бы ослабленный характер, и если другим богам посвящены сотни храмов, рассеянных по всей стране, то богу солнца посвящается один всем известный храм в Конараке (штат Орисса) и несколько малоизвестных святилищ, хотя изваяния Сурьи можно видеть в некоторых храмах других богов, чаще всего в составе скульптурных групп. Храм в Конараке (XIII в.) является памятником проникновения арийских религиозных представлений в среду доариинского населения, потомки которого и сейчас представлены в Ориссе в подавляющем большинстве (как и на юге Индии). Скажем тут же, что столь замедленно и не просто распространялась по этой стране и вера в ведического бога Вишну (подробнее о котором будет сказано ниже).

В Индии, правда, сохранились представления о солнце как о боге, едущем по небу на колеснице, запряженной семеркой коней, и конь как символическое изображение солнца широко вошел в народное искусство. И это же чрезвычайно широко распространилось уже в древности в изобразительных приемах индоевропейцев, а шире всего у славян.

В индоевропейской древности принесение в жертву коня считалось, как сказали бы сейчас, «престижным» жертвоприношением: коней стали одомашнивать позже крупного рогатого и мелкого окота. И выпас коней требовал надзора и сопровождения табунов конными всадниками, и умение управлять запряженными в колесницу конями тоже было сопряжено с определенной выучкой, что усложняло процесс освоения коневодства. Но само прямолинейное и быстрое движение коней

уподоблялось пути солнца по небу, и его стали изображать или в образе колесничего, или в образе коня.

Уподобление коня солнцу отразилось во многих обрядовых действиях и в обычаях славян, и оно же было донесено арьями до Индии, где образ коня вошел в народные орнаменты (главным образом, северных и северо-западных областей страны), и, более того, в арийской среде сложилась традиция возведения генеалогических списков правителей к предку-солнцу — это широко известно вплоть до нашего времени в среде воинско-феодалной прослойки раджпутов, сохраняющих эту традицию, считающих Солнце своим прямым предком и занимающихся разведением породистых коней, на которых выезжают на парады, на охоту и на торжественные процессии.

Конь для царской ашвамедхи (копия рисунка — батик на ткани)

Конь для царской ашвамедхи (копия рисунка — батик на ткани)

В обычай правителей из сословия кшатриев-воинов издревле вошел ритуал жертвоприношения коня, называемый «ашвамедха». Сила белого коня, уподобляемая силе солнца, могучей и неодолимой, должна была служить знаком царской власти и верховного владычества. Такого коня после

проведения особых религиозных церемоний и обрядов отпускали бродить по соседним странам по его выбору. Его сопровождала армия царя-жертвоприносителя, которая, совершенно очевидно, должна была направлять его движение в сторону тех стран, которые данный правитель намеревался, в силу своих политических интересов, объявить своими вассалами или дан-никами. В случае сопротивления этому коню и выбору его движения армия, следовавшая вместе с ним, вступала в бой и подчиняла сопротивлявшихся. Коня, возвратившегося к месту своей отправки, торжественнейшим образом приносили в жертву в присутствии всех «подчиненных его волей» правителей, а царь-победитель обретал титул «царя царей», считался всевластным владыкой, и его воспевали придворные барды, говоря, что «подножие его трона сияло нестерпимым для глаз блеском от сверкания корон склонившихся к его ногам царей». Многие предметы искусства украшались изображением одноглавых и двуглавых коней.

В среде славян конские черепа насаживали в старину на тыны, считая их оберегами от всякого зла и нечистой силы; коней вырезали из дерева и украшали ими крыши домов, верхняя балка которых так и называлась коньком; образ коня широко отражен в вышивке, как у нас, так и в Индии; вырезными конями украшалась у славян деревянная посуда и многие предметы быта. Вся эта символика говорит о древнейшем культе солнца. (Следует отметить, что на юге Индии, где до сих пор еще проявляется известное сопротивление внедрению арийских культов и веяний, солнце почти не встречается в орнаментах и храмовых изображениях.)

Белый конь посвящался и богу Световиду, и на этого коня как на воплощение солнца не мог сесть никто, кроме верховного жреца храма. Этот конь был символом света, и с ним связывали представление о всевластии и оказании помощи в борьбе с врагами (27, с. 100 — 101).

К числу славянских божеств, связанных с представлениями о свете и о небе как главном источнике света, относится и Стрибог. Нельзя утверждать, что именно память о нем как боге была унесена арьями в Индию, но корень «стрь» (stri) восходит к арья-славянским связям архаичных времен. На санскрите он означает «простирается, расширяться, охватывать», и от него производится слово «прастара» — «распространение, охват, расширение», что соответствует русскому слову «простор», соотносимому напрямую с понятием о небе и широком пространстве. Славянский Стрибог был богом небесного пространства, неба вообще. В «Слове о полку Игореве» ветры именуются его внуками, то есть это был один из атмосферных богов. Надо напомнить читателю, что от указанного корня происходит и такое слово, как «страна», восходящее, как выясняется, к глубочайшей древности.

Б.А. Рыбаков описывает богов так называемого Киевского пантеона, то есть тех, что были поставлены в 980 г. князем Владимиром на особом холме в виде идолов. Первым среди них считался Перун. Его имя сравнивали с некоторыми ведическими божествами или с представлениями о них. Позволим себе предложить несколько иной вариант, попытавшись сопоставить Перуна с ведическим богом Варуной, и не только в силу созвучия их имен, но и по сходству ряда функций, имевших немалое значение и у арьев и у славян. Перун возглавлял весь этот пантеон. Его идол был деревянным, «а главу его серебряну, а ус злат». (Вот об этих чертах хочется сразу сказать, что в индуизме сохранился обычай возрождать на погребениях «святых людей», тела которых не подлежали сожжению, изваяния их голов из серебра с позолоченными усами. Автор данной работы побывал на месте такого погребения вблизи г. Пуны, штат Махараштра.)

Процесс жертвоприношения Перуну, как указывает Б. Рыбаков, сопровождался втыканием в землю стрел по кругу. Возможно, этим сопровождалось представление о вознесении души или жертвы к небу. Подобный обряд описан в «Махабхарате», где один из героев-воинов вонзает по кругу в землю стрелы под телом сраженного в бою и умирающего своего прадеда Бхишмы. Но вернемся к сути Перуна. Он был известен не только восточным славянам, но также литовцам и латышам — это снова напоминает о бывшей в далеком прошлом балто-славянской близости, а также и о ряде совпадений — хотя и не таком широком, как у славян, — в язычестве прибалтов с арьями. О Перуне писали многие исследователи, расценивая его качества и роль по-разному, но в эти мнения мы здесь углубляться не станем, попытаюсь найти черты, сближающие его в какой-то мере с ведическим Варуной. Перун был изначально богом гроз и неба в разных проявлениях этих стихий. В пантеоне Владимира он, по мнению Б. Рыбакова, стал верховным богом воинских дружин. Его именем клялись воины над оружием, веря, что за нарушение такой клятвы Перун подвергает их каре.

Варуна тоже был изначально, по принятым объяснениям, всеохватывающим небом, океаном, солнцем, братом огня, став впоследствии богом гроз, атмосферных и земных вод. Важна для нас и его функция как блюстителя правды и закона: словом «варуна» в санскрите тоже определяется клятва воинов над оружием. Этот бог в индуизме стал к тому же считаться хранителем западных земель, и само слово «варуни» обозначает запад, указывая на его древнейшую связь именно с теми областями, из которых в Индию пришли арьи, принеся с собой веру в ведических богов. Видимо, следует подумать и о соответствии корней «вар-пар-пер»: так, у памирских таджиков было известно женское имя Паруни, сближающееся со славянским старым именем Варуни, а у

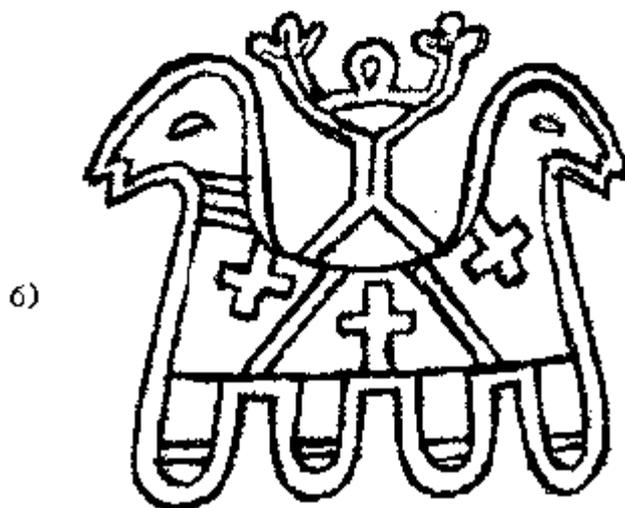
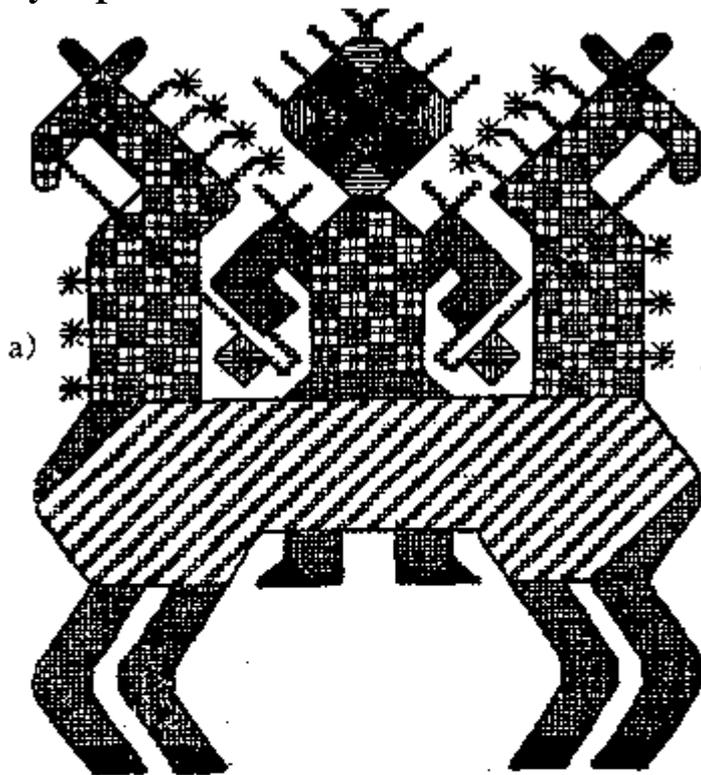
памирских кафилов был бог войны по имени Перун. Нельзя не согласиться с мнением исследователей, что и имя литовского бога гроз Перкунаса близко Перуну, но это не исключает поиска близости и с Варуной. Не следует нам, возможно, исключать из сопоставления один из эпитетов Варуны — Синдху, то есть «речной», это имя сближает его с рекой Инд (Синдх) на северо-западе древней Индии, равно как и с названием народа синды, населявшего в древности богато обводненный Таманский полуостров и говорившего на индо-иранском языке. К тому же в Авесте — памятнике ираноязычных ариев, созвездие Плеяд носит имя Перуне, что тоже не может выглядеть лишь случайным совпадением. Все эти сопоставления говорят о том, как арии уносили в сторону Индии свои общие или близкие со славянскими верования, свойственные их далеким предкам в общей отдаленной древности.

Встав на путь сравнений и сближений, необходимо подумать и об имени еще одного бога, исключенного из Киевского пантеона, тоже очень древнего Волоса, или Велеса. Несмотря на то, что он не входит в этот пантеон, его жизнь в народе продолжалась много веков спустя, и о нем писали те, кто боролся с язычеством на Руси. Эта борьба, как известно, разгорелась после крещения Руси и, начиная с конца X века, приняла широкий размах.

Велес (Волос) был чрезвычайно значимым богом в языческой Руси и особенно в ее северных областях. Этот бог считался «скотским богом», покровителем скота и всякого зверя. Б. Рыбаков поясняет, что культ Волоса был изначально культом медведя, откуда произошло и имя этого бога «волосатый» (шерстистый), и что с развитием одомашнивания диких быков этот культ приобрел характер поклонения этому богу как покровителю скота (с. 425). Мы в данном разделе не будем углубляться в суть этого культа у славян, но, прослеживая вероятное сближение арья-славянского общего или соотносимого словаря, предполагаем, что медведь вполне мог быть объектом почитания всех жителей архаичной эпохи на севере. На санскрите имени Волос может соответствовать слово «вала» — «волос, шерсть», и это является первым, хотя и недостаточным еще указанием на правильность высказанного предположения. Вторым же служит то, что в эпосе «Рамаяна» описываются героические мощные медведи, которые содействовали герою Раме в его борьбе со злом и неправдой и составляли значительную часть его войска, принимая активное участие в боях против демонов. Медведи не являются широко известными в Индии животными, а гималайские медведи небольшие и водятся только в горах. Значит, эта легенда отразила память о мощных северных медведях и, возможно, память о Волосе, хотя и в сглаженном виде, в память, затусшеванную тысячелетиями. (Добавим что само слово «медведь» может быть разъяснено через санскритские корни как «мадху-ве(и)д», т.е. «медоведун».)

В религии индуизма вошли не только древние верования ариев, но в значительной мере и верования доарийских народов, населявших Индию с тех времен, датировать которые даже приблизительно науке пока не удастся. Но и в этом сложном комплексе верований все же проявляются черты и характеристики, которые можно соотносить с мифотворчеством ариев, и приведенные выше примеры свидетельствуют именно об этом. Нет прямой возможности проследить все звенья связей, говорящие о близости древнейших форм религиозного мышления ариев и других индоевропейцев, но приведенные примеры говорят о скрытой многими веками, а вернее — тысячелетиями, близости складывавшихся некогда представлений о небе и земле, о силах природы и о возможности человека обращать их себе на пользу или отворачивать то зло, которое они

могут причинить.

а) солнечное божество славян Дажьбог;
б) солнечный бог, Индия (народный рисунок)

Из числа сохранившихся в точности имен богов можно с уверенностью говорить только об имени Индры, но в ряду других признаков нельзя игнорировать представления о многоглавости, приписываемой богам. Несколько лиц или голов проступают в описаниях и изображениях древнейших арийских и славянских богов. В Индии у них была более счастливая судьба, чем в среде славян: там эти образы уже в древности начали высекают из камня, а в число археологических находок в Европе входят главным образом деревянные идолы, да сохранились описания идолов языческих храмов (в основном на острове Рюген) и языческих капищ. Здесь необходимо задержаться на значении слов «идол» и «капище»: в санскрите слово «идас» обозначает объект поклонения, а словом «капа» определяется группа богов, подлежащих почитанию. Смысловая и фонетическая связь этих

терминов несомненна.

Возвращаясь к изображениям богов, вспомним, что, судя по описаниям западных хронистов XI — XII веков, именно у славян были распространены многоликие идолы. О том, что такие представления о внешних чертах богов были принесены в Индию именно арьями, свидетельствует отсутствие изображений многоликих богов в раскопках мест доарийской цивилизации. Эти факты очень выразительно говорят о близости культовых представлений, характерных именно для предков арьев и славян.

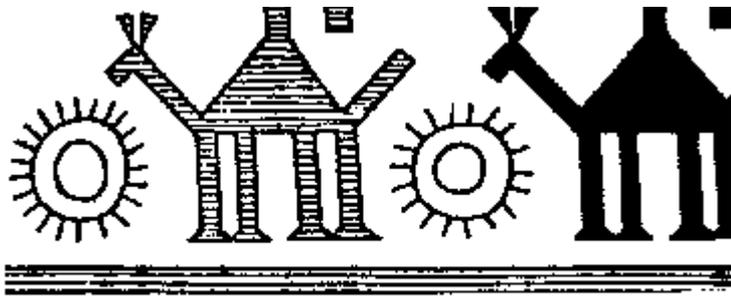
Кроме многих деревянных идолов (или изображений неких духов) в славянских землях обнаруживались и каменные идолы, но немного. Наиболее известным из их числа является четырехликий Збручский идол, на четырех сторонах тела которого изображены рог в руке на одной стороне, меч у пояса и конь — на другой. Кого он изображал — об этом продолжают спорить ученые, и мы здесь в этот спор углубляться не будем. Его происхождение (время изготовления) датируют IX веком, но куда уходят его корни — неизвестно. Есть и изображение трехликого

(точнее, трехголового) бога, именуемого в науке Триглавом, которое было найдено в Скрадине. Многоглавие известно и в религиозных культурах других индоевропейских народов — как, например, двуликий Янус, — но в гораздо меньшей степени, чем у славян и арьев.

На мировоззрении древнейших наших предков отпечаталось в широком диапазоне такое чувство, как страх. Страх и перед воздействием космических сил, и перед возможным влиянием неких невидимых сил окружающей действительности, порождаемых реками, болотами, лесом или отдельными деревьями и т.п. Вера в богов была густо перемешана с представлениями об окружающих человека духах и полу духах, теми представлениями, которые породили суеверия и связанные с ними магические приемы воздействия на эти существа. Заговоры, заклятия, песни, причитания, изобретение разных оберегов: амулетов, ладонков и прочих вещей — все это восходит тоже к необозримой глубине времен, являясь выражением той архаики, изучать которую нас неустанно призывал Б.А. Рыбаков. В этом мире суеверий царит такая путаница многообразных образов, что расслоить их этническую принадлежность часто бывает просто невозможно: воображение человека в восприятии действительности неизмеримо разнообразно. Но все же, не будучи в силах точно определить, что именно проникло в современные суеверия индийцев из арийских и доарийских представлений, а что сохранилось из общего арья-славянского фонда, попытаемся хотя бы проследить отражение этих понятий в близких или совпадающих терминах, сохранившихся в санскрите и славянских языках.

Так, старорусской птице горя и печали по имени Карна мы находим соответствие в слове «каруна» — «сострадание горю, сожаление». Злому духу Кикиморе, или Шишиморе, беспокоящей и даже убивающей по ночам детей, есть аналогия в злом духе Шишумаре, творящем то же самое зло. Недоброму духу Маве, путающему людей в лесах и полях, отвечает разъяснительно санскритский глагол «мав(ь)» — «связывать, запутывать». Богине (или духу) смерти по имени Мара, Мора (мор), несущей вымирание людей, явно соответствуют такие слова, как «мара, мритель (смерть) и морана», что значит «вымирание». Имя нашей старой Яги, которая то жарит, то варит кого-нибудь с целью сожрать, может быть понято через обычай жертвоприношений, причем не только животных, но и человека славяне и арьи приносили в жертву своим богам, а поэтому приведем определение жертвы из Ригведы — «яга, яджа»; вспомним также, что наша Баба Яга ездила в ступе, а слово «ступа» на санскрите означает «гробница, погребальное сооружение». Какая-то славянская сила, не то дух, не то существо во плоти — это понималось по-разному, и сближаемая с русалками, заманивающими людей, может быть предположительно пояснена при посредстве санскритских слов «вил» — «скрываться, разрушать», а также «вила» — «скрытно обволакивающая»; есть там еще и слово «вайлостан» (от корня «вил»), что буквально переводится как «вилостан», т.е. «место вил», и означает место погребения. Так что, видимо, этих вил следует в славянской мифологии воспринимать как злых духов. И, наконец, остановимся на терминах, обозначающих жизнь: древняя богиня жизни у славян была известна как Жива, а живое существо на старорусском именовалось животом (откуда и слово «животное»). И мы находим в санскрите слова «джива» — «жизнь», «дживата» — «живой» и «джив» — «жить».

Углубляясь в эти поиски, можно найти и ряд других соответствий, но мы здесь ограничимся приведенными, так как и они достаточно выразительно иллюстрируют древние связи арья-славянских представлений о мире.

Свастические символы солнца (индийская ашвиника)

Вот теперь задержим наше внимание на свастике, о которой вскользь было упомянуто выше. В одной из своих публикаций я назвала этот символ «дитя тысячелетий», и это определение порождено неизмеримой глубиной древности этого знака.

Смешно выглядит запрет властей на изображение свастик. Так, в бессмертной сатире М.Е. Салтыков-Щедрин, знакомя нас с историей города Глупова, сообщил об одном из градоначальников, что он въехал в город на белом коне, сжег гимназию и запретил науки.

А ведь запрет запрету рознь. Запрещать никто не мешает — можно запретить, например, солнцу всходить на востоке, но результат будет такой же, как от запрета наук. Слава Богу, науки от градоначальников не зависят, как не зависит от них и солнце. Нельзя, к счастью, запретить историю, запретить ход мироздания, как и те символы, которые рождены и историей, и этим извечным ходом. Солнце, например, было частью мироздания миллиарды лет, оно породило жизнь на земле и поддерживало эту жизнь своим неиссякаемым теплом и светом. Нет солнца — нет жизни. И люди, не успев появиться на нашей планете, стали поклоняться солнцу. Смело можно утверждать, что даже синантропы или питекантропы радостно приветствовали его восход и печалились, видя, как оно скрывается за горизонтом.

Поклонение солнцу отражено в наидревнейших памятниках литературы, и иероглифических надписях, и в изображениях на камнях. С самыми изначальными культами связывают ученые появление первых знаков на камнях, нанесенных рукою человека. Их обнаруживают в местах, разделенных огромными расстояниями, океанами, горами и пустынями, в тех местах, где складывались первые человеческие коллективы — семейные и семейно-родовые группы, пытавшиеся осознать мир и найти способы передать в материале свое понимание окружающей действительности. В непроглядной глубине эпох, в века палеолита люди пытались изображать солнце на скалах, на отдельных камнях, высекая и выцарапывая его образ применительно к своим силам и возможностям — это были и просто кружки или колечки и кружочки с черточками вокруг, а иногда и подобие лучей.

Текли столетия, и люди научились изготавливать предметы из глины, из кожи, из ткани, и на вещах из самых разных материалов они неизменно наносили изображения солнца.

Свастика — это знак, о котором говорят и спорят на протяжении почти всего двадцатого века. Что она собой представляет? Кому она нужна? И кому была нужна в прошлом? И была ли нужна?

Вопросы, вопросы. И разнобой чувств и мнений. Да и не только разнобой, а и прямой бой. Бой убеждений, идеологий, политики. А почему? Чем провинился этот знак перед людьми, или, точнее, следует ли его обвинять в причинах, порождающих эти разногласия, эти столкновения и этот дрящущийся до наших дней бой?

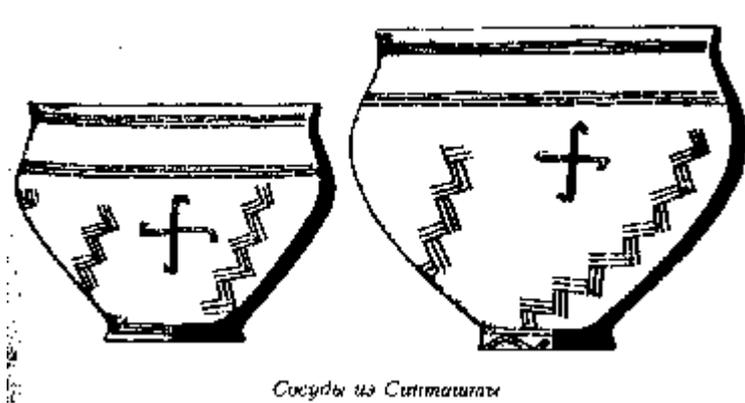
Такое неравнодушное отношение к свастике родилось лишь в XX веке, а конкретнее — начиная с 1930-х годов. А уж во время Второй мировой войны ее у нас возненавидели. Ведь враг наступал под сенью знамен со свастикой, и миллионы советских людей отдали свои жизни в борьбе за победу над этим врагом. Вот это один из ответов, т.е. скорее главный

ответ на вопрос о «провинности» свастики перед нами. Да и не только перед нами: ведь такие знамена шли маршем и по другим странам, и всюду оставляли за собой черную тень.

Может быть, пришла пора рассказать о свастике объективно?

Ведь это знак, и только знак. А знак не может возражать тем, кто хочет использовать его в своих целях. Сам по себе он молчалив и бессилен. Не виновата ни в чем свастика, как не виноваты и другие символы, воцарившиеся на знаменах, на доспехах и в геральдике: крест, пятиконечная звезда, двугла-вый орел, дубовые или лавровые листья, серп и молот и т.п. Их люди использовали в разные века с самыми разными целями, стремясь подчеркнуть ими свои чувства и представления, а значит, за это всегда были и будут в ответе только люди. Давайте снимем со своих глаз темные очки предвзятости и неприязни, перестанем винить свастику в человеческих грехах и попробуем бросить взгляд на ее историческое прошлое и на ту роль, которую она играла в мировоззрении людей, начиная с глубокой древности. Была ли она кому-нибудь дорога и нужна? И почему? Вот об этом задумываются лишь специалисты по исследованию языковых систем да по истории знаков и орнаментов.

Взглянем и мы в глубину... Веков? Нет, тысячелетий.

Сосуды из Ситтапутра

И увидим, что на огромных пространствах земли свастика была известна самым разным племенам, заселявшим разные области ойкумены в те или иные периоды истории. И не просто известна, а любима и почитаема ими. Так же, как был любим и почитаем знак креста. На этот знак тоже неоднократно обращали

внимание исследователи.

Крест? А почему?

Да потому что эти два знака почти идентичны. Их издревле сближает такой простой факт, как сходство астрономических представлений древних жителей разных стран. Возьмем, например, солнце. Все смотрели на небо и не могли не понимать его благостного воздействия на жизнь, на плодородность земли, на движение земных и небесных вод. Уже в эпоху палеолита, начало которой затерялось в веках, люди пытались изобразить солнце, высекая и рисуя его на скалах, а затем и на глиняной посуде и других вещах.

И как мы видим, изображением солнца всегда служил круг с черточками-лучами, хотя бы и не точно воспроизводимый. Равным образом, в те же отдаленные времена появляется и солнце, изображаемое с перекрестными чертами внутри круга. Предполагают, что так человек пытался отразить свое понимание четырех стран света, главные области продвижения солнца по небу.

Кто, где и когда начал изображать перекрещенное солнце, сказать нельзя. Оно предстает перед нами в таком виде на археологических находках, обнаруженных в самых разных концах земли.

Так крест вошел в представления людей как намек на солнце, как условное его изображение, как символ, говорящий о непрерывной его жизнотворческой энергии и жизнедеятельности. Крест, символ солнца, уже в те отдаленные эпохи занял раз и навсегда свое высокое место в культовой символике множества племен, подобный самому солнцу,

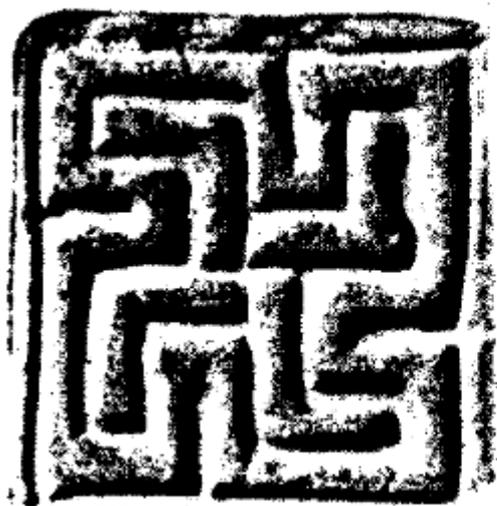
скатившемуся с неба в их руки. Этот символ как бы позволял людям осуществлять свое воздействие на солнце, используя такое его изображение при проведении ритуально магических заклинательных действий.

Как известно, знак креста может использоваться в самых разных формах, будучи изменяем людьми по их желанию: это и православный церковный восьмиконечный крест, и шестиконечный «латинский», и крест Андреевского флага русского флота, и равно лучевые кресты разных орденов, и, наконец, нематериальный крест, «рисуемый» в воздухе рукой молящегося. Знак креста поднимали на свои стяги и враждующие или просто взаимно несогласные группы людей, стремясь доказать свою правоту. Но ведь сам по себе знак креста не несет на себе ничего темного: символ солнца не может и не должен быть направлением на призыв мрака. Крестом встречают новорожденных и провожают уходящих в мир иной, его наносят и на алтари, и на документы. Но все-таки люди стали использовать и его для выражения своих противоречий: православные крестятся справа налево, а католики слева направо, есть даже сатанинские секты, члены которых крестятся левой рукой или опрокидывают изображение церковного креста вниз верхушкой, проводя свои темные мессы. Символическим изображением солнца является и нимб вокруг головы на изображениях богов и святых, и этот нимб часто вмещает в себя крест, что прямо перекликается с древнейшими изображениями солнца. Сочетание солнечного круга с четырех-, шести- или многоконечным крестом встречается на памятниках разнородных культур, как и изображение солнечных колец рядом с крестом. И это прослеживается сквозь века и тысячелетия.

Самые древние изображения свастики дошли до нас от одной из первых цивилизаций земли, известной под названием Цивилизации долины Инда, или Цивилизации Хараппы.

Эту цивилизацию называют доарийской, потому что ее расцвет приходится на IV — III тыс. до н.э., на то время, когда кочевники-арьи еще только двигались по степям Северного Причерноморья и по землям Восточной Европы (т.е. по будущим славянским землям).

Итак, еще не появлялись арьи на землях Хараппы, и здесь сложилась задолго до них своя особенная цивилизация. Ее создателями были люди, принадлежавшие к тем древним расам, которые в науке определяются как негроидные и австралоидные. Уже упоминалось, что для них характерна темная кожа, черные кривоволнистые волосы и полные, выступающие вперед губы. (Напомним об этих их чертах, ибо мы их сравниваем со светлокожими арьями, пришедшими сюда в III — II тысячелетиях до н.э.)

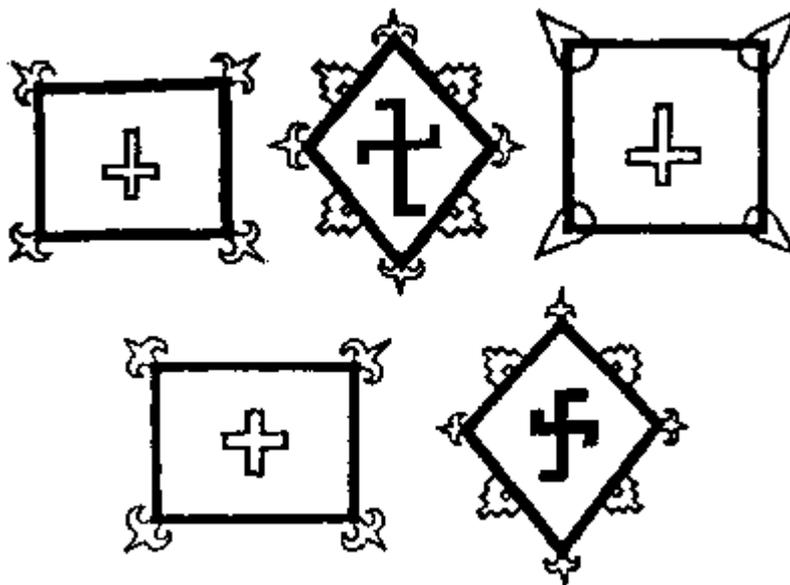

Эти доарийские жители создали развитую цивилизацию. Они строили города с домами из обожженного кирпича, развили орошаемое земледелие, знали искусства и многие ремесла. Откуда они здесь появились, наукой не установлено. Полагают, что это были потомки обитателей древнейших затонувших материков Гондваны и Лемурии, соединявшихся десятки тысяч лет тому назад с землями Индии и Африки.

Туда уже заглянуть нельзя, но мы можем увидеть то, что сохранилось в культуре этих жителей доарийской Индии: ведь не внезапно и не сразу возникла Цивилизация Хараппы.

И вот, знакомясь с найденными в раскопках предметами, мы обнаруживаем, что им были известны не только знаки солнца и креста, но также и свастики. Найдено множество разных изображений: главным образом всевозможных животных и в первую очередь быков. Печатей и обломков керамики обнаружено много, и те из них, что несут на себе символы солнца, креста и свастики, явно были не случайными в числе этих находок. Следует сразу оговориться, что таких изображений очень немного в сравнении с другими, но все же они есть, а значит, этим древним людям было знакомо значение магической сути воспроизводимого знака. Здесь мы видим и левостороннюю свастику, которая на этих печатях чередуется с правосторонней. Значение этой символики объясняют по-разному. Некоторые полагают, что обращенную влево свастику надо считать собирающей, а вправо — рассеивающей, но что она собирает и рассеивает — лучи? Энергию? Другие же спорят о том, какая из них изображает движение солнца: то ли та, чей изгиб устремлен вправо, то ли та, чей влево. Не будем вмешиваться в эту дискуссию — нам важен сам факт нахождения нескольких изображений свастики в той наидревнейшей Индии. И кто может сказать, не повторяются ли на них те символы, которые, возможно, были известны жителям легендарных материков, поглощенных Мировым океаном? Ясно одно: то, что свастика — древнейший знак и с нею связаны представления о силе солнца.

Рождение знака свастики следует, видимо, связывать с северным полушарием, так как население всех стран этой половины Земли всегда и неизбежно видит солнечный диск как колесо, катящееся по небу слева направо, то есть с востока на запад. Археологи все еще не установили с точностью дату изобретения колеса, но известно, что в самых древних верованиях о солнце

Кресты и свастики. Сифийский собор. Киев. (XI в.)

упоминается как о колесе, катящемся по небу. Момент катящегося предмета, будь то чурка, камень или кость, не мог не зафиксироваться в восприятии человека и, соответственно, отразиться в первых же, изначальных попытках передать в любом изобразительном приеме — насечке на камне или рисунке — это движение.

Так и появилось сначала многолучевое изображение солнца, говорящее о понимании того, что его свет состоит из многих линейных лучей, а вслед за этим люди стали воспринимать кружение диска вокруг оси. В соответствии с таким восприятием появились изображение солнца с небольшим количеством лучей, а затем и попытки показа движения его обода. Дневное солнце, катящееся с востока на запад, стало четко восприниматься как диск, перекатывающийся по часовой стрелке, т.е. слева направо. Умозрительное представление о таком движении каждой частицы обода условно выражается в стрелках, и если убрать все их множество, оставив только четыре из них по окончаниям перекрещивающего солнце креста (а такое его изображение известно уже в цивилизации Хараппы, если и не раньше), то получится «зародыш» свастики. Так называемая обратная свастика, очевидно, должна была изначально изображать солнце, возвращающееся к востоку под землей, т.е. ночное солнце.

Следует указать, что археологи практически не обнаруживают этого знака на землях Передней Азии, хотя и здесь в те же далекие времена цвела культура городов-государств. Эти государства поддерживали торговые связи с долиной Инда, и здесь найдены даже печати оттуда, но свастики на них не нашли. Отсюда, как и из древнего Египта, до нас дошли другие знаки-символы, игравшие там доминирующую роль, но не свастика.

Многое можно было бы узнать о жизни и верованиях жителей Цивилизации Хараппы, если бы были прочтены надписи на найденных печатях. Но не понятны и не расшифрованы они и до сих пор, несмотря на поистине титанические усилия выдающихся ученых самых разных стран. Всем ясно, что они несут в себе какую-то информацию о жизни, хозяйстве и верованиях древних доарийских народов. Да, но какую?

Знали ли арии свастику до своего появления на землях Цивилизации Хараппы? Вот вопрос, на который трудно найти ответ, подкрепленный достаточным количеством доказательств. Можно лишь предположительно утверждать, что знали, и более того — она им была очень близка. Попробуем в этом разобраться.

Поскольку арии были кочевниками и продвигались в течение многих и многих веков по огромным пространствам, материальных остатков на местах их кратковременных стоянок найти не могут — изделия из дерева, необожженной глины или ткани не сохранились в земле. А значит, неизвестны и орнаментальные украшения, в том числе и мотив свастики. Не исключено, что они могли украшать ею, например, маленькие деревянные фигурки богов, которые они перевозили в кибитках. Возможно, они изготавливали такие фигурки и из глины, но каменных не было.

Итак, до археологов не дошли вещи с нанесенными на них знаками, но вспомним, что языком ариев был санскрит, на котором созданы Веды. А откуда взялось само слово «свастика»? Из санскрита. Оно состоит из трех частей: «су» — «хороший, благой» (перед гласным изменяется в «ев»), затем — «асти» — «есть» (третье лицо единств. числа от глагола «быть»), что вместе со стягивает глотили «счастье (удача) тебе» — это форма приветствия или благословения. К этому добавлен суффикс «ка». И что получается? Некое слово, вроде «хорошка», или «благушка», т.е. знак, определяющий нечто хорошее, доброе, благое. Это наводит на мысль, что древние арии имели и изображения свастики.

Следует тут же отметить, что ряд слов санскрита и славянских языков строился по этой одинаковой модели. Так, русские слова «чашка, мышка, копанка» звучат в санскрите как «чашака, мушка, купака».

Мы уже видели, что свастика была известна и населению, создавшему доарийскую цивилизацию Хараппы, но отметим снова, что количество ее начертаний там было невелико по сравнению с другими изображениями. В более же поздние века, после прихода арьев, этот знак стал встречаться все чаще и чаще, и наконец мы обнаруживаем его в Индии на множестве орнаментальных узоров и символических рисунков магического назначения.

Возвращаясь к мысли о приходе арьев с севера, можно полагать, что им, как и другим предкам индоевропейцев, было свойственно поклонение солнцу как главному источнику жизни, а поэтому и не вызывает удивления это обилие свастических знаков, так широко распространившихся в Индии и донныне сохраняющих там свое традиционное значение: свастикой там стали отмечать все предметы, стены домов, вышивки и пр. как знаком благоприятствия, как призывом к счастью и довольству. И особенно большую роль играет этот знак при проведении таких обрядовых действий, как, например, свадьбы — тут индусы наносят свастику на очаги, сосуды, одежды и украшения, ковры, циновки и т.д.

Фризами из свастик украшены стены и колонны храмов, подножия статуй богов. Свастиками же отмечены деловые печати, бумаги, конверты, приглашительные и поздравительные письма, вышивки на одежде, шалях и пр. При проведении многих молитвенных церемоний верующие наносят на пол перед алтарем магические узоры, обязательным элементом которых постоянно являются свастики, имеющие и прямоу. Перед днями праздников женщины расписывают свои ладони традиционными узорами, в затейливый рисунок которых тоже часто бывают включены свастики.

Наиболее широко распространен этот элемент орнамента в тех областях страны, которые стали в древности первыми землями расселения пришедших арьев, т.е. на северо-западе и севере страны. Здесь же сконцентрирована и большая часть представителей того расового типа, который сложился в результате физического смешения светлокожих европеоидных арьев с местным темнокожим населением (что тоже может служить подтверждением мысли о том, что арьи издревле знали свастический орнамент и поклонялись солнцу, изображая его и в форме круга и в виде свастики).

Здесь необходимо вспомнить и о другой ветви арьев, об ираноязычной, тоже продвигавшихся к югу, но по более восточным землям.

Признано, что открытая на восточных отрогах Урала культура принадлежала этой группе. (Она названа андроновской по первому месту обнаружения ее памятников.) В зону ее распространения входят и обширные области Казахстана, но мы остановимся здесь на приуральских памятниках. Обнаружено много городищ, датируемых II тыс. до н.э. (в том числе и прославленный Аркаим), и признано, что их соорудили ираноязычные арьи, чем еще раз подтверждается мысль об их движении с севера по Приуралью. О том, что древним арьям до искони был известен и высоко ими ценим знак свастики, Своят его изображения на обнаруженных сосудах и их обломках. Следует сказать, что этим знаком отмечен весь путь продвижения арьев в сторону Индии и Ирана. Так, у скифов, потомков ираноязычных арьев, в среде северокавказских народов и у таджиков свастика выявляется в орнаменте от I тыс. до н.э. и ранее.

кхури - свастика

Начиная с глубочайшей древности и вплоть до наших дней солнце было и остается

главным объектом почитания в среде славянских народов, и не только славян, но и жителей Западной Европы. За это «ответственны» общие корни происхождения и формирования всех индоевропейцев,

заставляющие всегда помнить о севере. Свастика как знак солнца сохранялась до самого недавнего времени в народном орнаменте всех этих народов. Она была донесена с севера до Черного и Средиземного морей, и ее можно выявить во всех этих землях в той или иной степени ее выраженности. Но абсолютное ее преобладание прослеживается на Русском Севере. Она многие века царила здесь в мотивах орнамента, разделяя первое место лишь с солнечными розетками и сочетаясь с ними. Изображая свастику, взывали к солнцу, она служила знаком благодати и сбережения от всякого зла. Б. Рыбаков подчеркивает роль оберегающих знаков и указывает, что их обязательно наносили на ворота, рукава и подола одежды, на фартуки, считавшиеся ритуальной частью женского одеяния, и обязательно на полотенца. Сохранение древних узоров на протяжении столь многих веков он называет глубиной памяти, и мы видим, как из этой глубины век за веком всплывает свастика.

Мы видим, что заклинательная магия находит свое выражение не только в словах заговоров и молитв, но и во множестве условных изображений и знаков, наносимых на ткани и вышивкой, и в процессе тканья. Да и не только на тканых изделиях встречаются эти символы, но и на прославленных севернорусских кружевах.

Вот это обилие свастик на севере говорит нам еще раз о том, что и ближайшие соседи предков славян — предки арь-ев (не исключено, что в известной мере и родственники), уже здесь знали знак свастики и пронесли его по всему своему пути на юг и восток, о чем мы и можем судить, видя обилие свастик в Индии.

В Европе же, и в частности даже в Восточной Европе, свастика стала не так часто появляться в орнаменте, постепенно ее стали заменять изображения цветов, которые на севере, естественно, не могли занять доминирующее положение в рисунках. Но это не значит, что этот знак солнца исчез совсем. В публикациях, особенно в послевоенных изданиях, свастику изгоняли со страниц книг, и такое отношение можно понять, но трудно простить — ведь описания орнамента являются строгим историческим источником, и такие искажения в передаче информации мешают ученым приходиться к должным выводам. Тем не менее она сохранилась и в срединной России, и в Белоруссии, о чем выразительно говорят приводимые материалы.

Мы видим, что славянские народы традиционно пронесли в своем орнаменте мотив свастики. Самим фактом множества своих появлений он говорит о давности его использования: тысячелетия нужны для того, чтобы он мог утвердиться с такой настойчивостью и в народном искусстве, и при исполнении столь многих обрядов в Европе и до наших дней живущего полной жизнью в Индии. Следует снова напомнить о том, что фашисты в Германии стали так широко использовать знак свастики по той причине, что они одновременно с этим провозгласили себя прямыми и единственными потомками «арийцев» (арьев), чем подтвердили то, что в народной памяти остались древнейшие представления о некогда существовавшей соседской близости на севере с предками арьев, а равным образом и то, что у этих арьев бытовал знак свастики. Эти деятели и теоретики фашизма оживили и воспоминания о

происхождении «индо-германцев» с севера, где некогда была их прародина (волшебная страна, называемая Туле (что снова подтверждает мысль о том, что племена предков всех индоевропейцев формировались на севере)).

Люди давно начали изображать солнце с изогнутыми или слегка загнутыми лучами, стремясь, видимо, выразить этим приемом движение светила, его кружение, а не просто плоское скольжение по небу.

Многочувствительные солнечные розетки на разных предметах возникли из прямолучевого солнечного колеса со многими спицами, как и трех-, пяти- или восьми лучевые.

Вспомним и о том, что у нас на севере сохранился обычай выпекать «вьюхи» — лепешки, украшенные орнаментом в виде округлолучевой свастики, который накладывается из тестяного шнура. Это выражение приветствия весеннему солнцу. Эти «вьюхи» продолжают традицию подобных форм свастик, известных на Руси и в древности, и в Средние века.

Закругленные концы солнечных лучей явились, возможно, более поздней их стилизацией — ведь они не так четко указывают на связь спиц колеса с его ободом. Если же из кольца обода удалить, изъять четыре частицы, то на концах крестовидных двух диаметров останутся как раз те части, которые и создадут рисунок прямоугольной свастики, отразив представления о вращательном движении. Наиболее широкого распространения достиг четырехлучевый знак, но известны и разнолучевые свастики, тоже изображающие катящееся по небу колесо солнца

В некоторых церквях тоже можно найти изображения свастик: они иногда совмещаются с крестом, иногда бывают нанесены на стены или даже на облачение духовных лиц. Известна, например, икона преподобного Никона в Киево-Печерской лавре, нижний фриз которой состоит из свастик. В храме Софии в Киеве обнаружены такие же изображения, а в Москве, к примеру, весь пол главного храма Донского монастыря состоит из чугунных свастик. И таких примеров немало, хотя постоянно встречаются устные и письменные утверждения, что культовые христианские изображения якобы не могут быть совмещены со свастикой.

Говоря о памяти, унесенной в Индию, нельзя обойти молчанием вопрос о «напитке бессмертия» — соме, которому посвящены десятки гимнов Ригведы. Уже два столетия западные ученые заняты решением проблемы сомы — предполагают, что он добывался из сока растений, в числе которых называли некоторые деревья, и травы, и эфедру, и даже грибы мухоморы. Пытаясь разобраться в запутанных и непоследовательных указаниях и описаниях в Ригведе, Т. Елизаренкова приходит к выводу о возможности выделить очередность действий изготовителей сомы: 1) предварительное замачивание, когда стебли сомы кладут в воду и держат их там, пока они не разбухнут; 2) выжимание сока давящими камнями; при простом выжимании инструментами были ступка и пестик; 3) пропускание выжатого сока через сито из овечьей шерсти, где он очищался от волокон — центральный момент ритуала — и стекал в специальные деревянные сосуды; 4) смешивание выжатого сока с водой, что делало его вкус менее резким; 5) смешивание выжатого сока с обычным или кислым молоком (с. 355).

Большинство западных исследователей представляет себе этот процесс примерно в такой же последовательности. Все эти описания говорят о добросовестном и вдумчивом изучении Ригведы, но, по нашему представлению, они все допускают одну очень существенную ошибку, а

вернее — даже две ошибки: во-первых, все они единодушно избегают упоминания о возможности совпадения слова «сома» со словом «хмель» (хотя часто пользуются в переводах на русский язык определением сомы как «хмельного напитка», то есть «опьяняющего»). Во-вторых же, в их работах не встречается раздельной оценки применения воды и молока при изготовлении «опьяняющего напитка». Итак, хмель и сома: коренные согласные «hm» и «sm» в обоих словах абсолютно одинаковы и равнозначны. Частые упоминания в гимнах применения ячменя при изготовлении сомы заставляют задуматься о вероятности того, что сома был древним вариантом пива. Процесс замачивания, набухания и растирания, объясняемый переводчиками по-разному, относился, видимо, к подготовке зерен ячменя к началу бродильных процессов, так как при этом вырабатывается солод. И тот шум, который описывается в гимнах в связи с изготовлением сомы, а именно: напиток «рычит, мычит и ходит кругами по чану», хорошо знаком всем пивоварам земли. Поскольку ячмень был самым северным колосовым хлебом (В. Даль, т. IV), а в первой мандале Ригvedы, в 23-м гимне говорится о пахоте на быках. роля «для посева ячменя», не приходится сомневаться в широком его применении — полагаем, что не только для еды, но и для изготовления сомы. Пивовары знают и процесс растирания зерен камнями (жерновами), и процеживание через фильтры (в деревнях через солому или грубую прореженную ткань из овечьей шерсти), и забраживания хмелем или забро-дившим солодом. Следует отметить, что в литературе о Ригvedе встречались упоминания о хмеле, но почему-то на них не обращали особого внимания: так, известный санскритолог XIX в. Макс Мюллер, его современник индийский ученый Радженралал Митра (на что указывают авторы двухтомного «Указателя ведических предметов» (136, т. II, с. 47) уже упоминали о том, что в Ригvedе имеется в виду хмель и пиво, а индийские историки не раз вспоминали о знакомстве арьев с умением приготавливать пиво. Равным образом, и о соме как хмеле встречаются явные указания в таком трактате как «Артхашастра», где о соме говорится как о ценном растении (хотя ни эфедра, ни, тем паче, мухоморы в Индии неизвестны). В этом трактате сому называют «ценным деревом» (10-а, с. 105), царем велено предоставлять брахманам леса для «разведения сомы» (с. 65) и сообщается, что на равнинах «на высоких местах» есть «рощи растений сома» (с. 183). Нам неведомо, завивали ли хмель на особых шестах, как в хмелевниках Европы, но то, что он растет, оплетая деревья, известно всем: это и были «рощи сомы». Те слова Ригvedы, что растение сому приносили людям с высоты (с гор) птицы, вполне объяснимы простым фактом сбивания птицами шишек хмеля с высоких деревьев.

Вот такое пиво и было, видимо, основным опьяняющим жертвенным напитком Ригvedы, и пили его во множестве - и жрецы, и жертвоприносители-миряне, а главное, сам бог Индра, живот которого раздувался от сомы (кстати, «брюхатость» пьющих в избытке пиво мужчин широко известна в мире).

Вспомним здесь о том, что о «памяти, унесенной в Индию» из областей древнего северного соседства с предками (да, вероятно, не только северного), говорят и прямые схождения в лексике санскрита и русского языка, относящейся к поглощению напитков:

Санскрит	Русский	Санскрит	Русский

पा, पि

пить

पा, पि, पी, पित्त

пита (обыло) глоток
пити пьющий
пиба

напиток

Упоминания в Ригведе о том, что сому смешивали с водой, вполне совпадают с описанием приготовления пива. Но указания на молоко, тоже каким-то образом связанные с опьянением, то есть с изготовлением того же сомы, не вяжутся с пивом. Правда, в московских газетах в конце июля 2003 г. появилось сообщение, что китайское ТВ 23 апреля этого же года сообщило, что в Китае стали изготавливать пиво из молока. Имея в виду все упоминания «Ригведы» о том, что при изготовлении сомы, как некоей, по всей видимости, разновидности пива, каким-то образом применялось молоко, можно полагать, что в Китае восстановлен древний способ изготовления такого пива. Есть также основания предположить, что этот рецепт проник в Китай во II тыс. до н.э., т.е. в те века, когда потомки пришедших в Азию арьев, известные как центральноазиатские скифы или белые гунны, или по китайски ю-чжи, вели бои за овладение западными землями Китая и, оседая на них, поддерживали длительные хозяйственные контакты с местным населением.

Однако в той же Ригведе говорится и о каком-то другом опьяняющем напитке — о суре, который был «гораздо более крепким, чем сома», как это подчеркивается в главе XIX индийского сводного тома исследований «Ведическая эпоха» (137). И тут же указывается, что в гимнах упоминается о смеси сомы с кислым молоком. Да, упоминается, но не изготавливали ли из кислого молока некий напиток, тоже называемый сомой (а, возможно, это и была «сура»), хотя в указанном томе предполагается, что суру «гнали из зерна» (с. 397) — не была ли она пивом? Если об арьях времен Ригведы индийский ученый сообщает, что они умели «гнать» — «дистиллировать» опьяняющие напитки, мы имеем основания думать, что им было ведомо и изготовление самогона из кислого молока, которое известно всем скотоводам. Сам процесс возгонки, как и аппараты для возгонки (разные варианты из комбинирования глиняных нагреваемых и охлаждающих сосудов), в Индии издавна известны: они приведены и в книге (137, с. 227 — 229). И тогда мы видим, что арьи знали три пьянящих напитка: пиво на основе ячменя и хмеля, молочный самогон и суру на основе ячменя, что известно многим народам.

Вот здесь вспомним о славянах — уж они-то с древнейших времен знали и опьяняющий «медок», и пиво. Чешский ученый Л. Нидерле указывает, что в грамотах X века славянам было велено включать пиво в состав дани князьям. «Пили славяне много... и «пир» происходит от «пити».

Хочется попросить читателя обратить внимание на то, что сотни слов санскрита и русского взаимно сходны и даже часто одинаковы не только по звучанию, но, главное, по структуре и смыслу. (я трижды опубликовала составленную мною сводку таких слов в моих книгах.)

Здесь необходимо подчеркнуть, что слова в обоих языках сохраняют ту же морфологическую структуру и что одинаковую роль в изменении значений корней, как и образованных от них слов, играют приставки и суффиксы.

Остановимся на нескольких выразительных примерах

<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>	<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>
	<i>(суффикс «н»)</i>		
бывание	бхавания	давание	даван
вещание	вачана	знание	джняна
ведун	ведин	низина	нихина
веденье	ведана	новина (луны)	навина
верчение	вартана	печенье	пачана
всадник	садин	плаванье	плавана
горение	гхрњи	раненый	вранин
грызение	грасана	славление	шравания
стан (стоянка)	стхана		

Не менее выразительны и изменения смысла глагольных корней под влиянием приставок — здесь опять же поражает совпадение санскритских слов с русскими, а шире — со многими славянскими. Эти формы сохраняются в живом языке и часто порождают новые образования, диктуемые разговорной практикой, расширяющей лексический фонд языка

<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>	<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>
беда (предательство)	бхеда	дать	да
бодрый	бхадра	давание	даван
бояться	бхьяс	дверь	двар
бровь	бхрува	дева	дэви
будить	будх	день	дина
быть	бху	деревянный	дравья
буран	бхурана	дивный	дивья
вал	вал	доля (часть)	дала
варить	вар (вода)	драть (рвать)	дри
ведать	вед, вид	драть (убегать)	дра (драп)
вдова	видхава	дурной	дур
ветер	вата(р)	дуть	дху

куль	кула	печь, печение	пач, пачана
курчавый	курча	пить, пито	па(пи), пита
куст	кустха	плаванье	плавана
куча	куча	приятный	прия
ладить	лад	простор	пастара
ласкать	лас	радовать	радх
лепить	лип	раненый	вранин
лишь (немного)	лиш	рубить	ру
любить	лубх	рушить	руш

<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>	<i>Русский</i>	<i>Санскрит</i>
садить, сидеть	сад	творить	твар
свара	свара	тогда	тада
сверкать	свар	тугой	тунга (крепкий)
светлый	швета	турить, толкать	тур, тудж
свойство	сватва	тузить	тама(с)
своjak	свака	тереть	трут
слава, слухи	шрава	торение (пути)	тарана
смерть	мритью	четырёхчастный	чатушка
стоять	стха	чушка	чунчуша
стан, стоянка	стхана	чудак, глупец	чуда
сушить, сушка	шуш, шушка	шалаш	шала
таскать	тас	шибко	шибхам

Этого, думается, достаточно для того, чтобы наглядно проиллюстрировать неоднократно высказывавшиеся указания на близость русского языка, сохранившего очень большое число древнейших форм, к санскриту. Обилие подобных примеров может быть легко обнаружено внимательными исследователями, которые захотят глубже вникнуть в дальнейшем в этот столь важный для истории русского народа вопрос.

© Фрагмент книги Н. Р. Гусевой "Русский север - прародина индославов"

Сискренней благодарностью Н.Р. Гусевой за ее труд

© Подготовка публикации - Ю. Сорокина, 2007.

[К статьям](#)

[К содержанию](#)

Уважаемые господа, любое использование материалов - с обязательной ссылкой на авторов и на этот сайт, с договоренностью по адресу ghanvantari@bk.ru

245108
32
22

Изображени

[Сайт о Чарака Самхите](#)

[Сайт, посвященный Бхавапракаша самхите](#)

[Сайт о Сушрута Самхите](#)

[Взгляните на мир... - Авторская фотостраничка](#)

